

УДК 82[(571.6)+(510)]

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКО-КИТАЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 1874-1875 ГГ.)**

Ламм М.А.

Статья посвящена исследованию восприятия русско-китайского пограничья участниками русской экспедиции 1874-1875 гг. под началом Ю.А. Сосновского. XIX в. был периодом активного изучения Азии и формирования представлений об этих территориях на уровне массового сознания. С точки зрения межкультурной коммуникации на пограничье особый интерес представляет языковая традиция, сложившаяся в Кяхте, бывшей в то время центром русско-китайской торговли чаем. В этих местах возник смешанный русско-китайский диалект, который оказался крайне устойчивым, благодаря последовательной политике китайских властей, требовавших от своих купцов знания русского языка, создавших специальную языковую школу для обучения минимальным основам, необходимым для осуществления торговли. Экспедиция Ю.А. Сосновского открыла новый, более короткий торговый путь и создала предпосылки для формирования целостного образа русско-китайского пограничья.

Ключевые слова: пограничье, фронтир, экспедиции в Азию, русские путешественники, Калганская школа русского языка, русский язык в Китае, кяхтинский диалект.

**LITERARY REFLECTION OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND
(BASED ON MATERIALS FROM THE EXPEDITION OF 1874-1875)**

Lamm M.A.

The article describes the study of the perception of the Russian-Chinese borderland by the participants of the Russian expedition of 1874-1875 under the leadership of Y.A. Sosnovsky. The 19th century was a period of active study of Asia and the formation of ideas about these territories at the level of mass consciousness. From the point of view of intercultural communication on the borderland, the

linguistic tradition that developed in Kyakhta, which at that time was the centre of the Russian-Chinese tea trade, is of particular interest. In those places, a mixed Russian-Chinese dialect arose, which turned out to be extremely stable thanks to the consistent policy of the Chinese authorities. They required knowledge of the Russian language from their merchants and created a special language school to teach the minimum basics necessary for trading. Y.A. Sosnovsky expedition opened a new shorter trade route and created the prerequisites for the formation of a holistic image of the Russian-Chinese borderland.

Keywords: borderland, frontier, expeditions to Asia, Russian travellers, Kalgan school of the Russian language, Russian language in China, Kyakhta dialect.

На протяжении XIX в. Азия вообще и Китай в частности привлекали внимание всего мира: загадочные и малоизученные территории были интересны исследователям и путешественникам. П.П. Семёнов-Тян-Шанский, Н.М. Пржевальский и многие другие тратили годы своей жизни на изучение этих земель. В XIX в. это была ещё своеобразная *terra incognita*. Даже точное определение межгосударственных границ произошло в тех местах лишь в середине XIX столетия [15, с. 27]. Труднодоступная для путешественников территория была богатым источником впечатлений и поводом к размышлению. В тот период ни в массовом сознании на уровне читающей публики, ни в профессиональных кругах ещё не сформировалось более или менее устойчивое представление о русско-китайском пограничье. Именно с этой точки зрения написанные путешественниками книги особенно интересны. Исследование основывается на трудах Ю.А. Сосновского, П.Я. Пясецкого и А.Н.Э. Боярского.

Хотя в рассматриваемый период торговля России с Китаем уже имела богатую традицию [см.: 7; 12; 21], территориальный миф русско-китайского пограничья ограничивался торговыми отношениями. Формирование устойчивого мифа произошло позднее, в связи с Желтугинской «золотой лихорадкой», Ихэтуаньским восстанием и, главным образом, постройкой в конце XIX – начале XX вв. Китайской восточной железной дороги (КВЖД) [4;

14; 23]. Миф, созданный в начале XX в., стал настолько устойчивым, что даже сегодня «трудно отделить символический Харбин от реального» [9, с. 783]. Обобщённый образ создавался на основании многих произведений. Как пишет издатель в предисловии к русскому изданию 1900 г. книги немецкого путешественника Э. Гессе-Вартега: «последние осложнения в Китае пробудили в обществе особый интерес к Поднебесной империи и вызвали целую литературу, посвященную "Китаю и китайцам"» [5, с. 1]. Труды участников экспедиции предвосхитили эту волну.

В XIX в. представление в России о Китае во многом определялось торговыми отношениями, что и послужило главной причиной отправки экспедиции. Как пишет об этом Г.В. Длужневская, «организация русской экспедиции в Китай в 1874 г. была обусловлена снижением объемов торговли России, вызванным восстанием дунган в западных провинциях Китая и поисками новых рынков сбыта российских товаров» [6, с. 20]. Не менее важной причиной было политическое соперничество России и Великобритании в Азии. До начала XX в. в русской традиции существовали два образа Китая. Первый основывался на трудах европейских философов-просветителей, идеализировавших далёкую и загадочную страну, конфуцианскую философию и т.д. Это – книжный образ, связанный с реальностью весьма опосредованно. Подобное восприятие встречается и в книге П.Я. Пясецкого. На уровне ожиданий от путешествия он так описывает своё первое впечатление от китайского пограничного городка: «Я вошел в ворота, из них повернул на улицу и остановился, пораженный неожиданностью и новизной обстановки. Мне показалось, что в эту минуту я был перенесен в какой-то совершенно другой мир, в такой степени все в нем было не похоже на то, что я видел до сих пор в Европе. Каждый предмет был своеобразен и нов для меня: узенькая улица и в глубине ее башня с крестообразными воротами в ее основании, крыши и фасады домов, открытые двери, через которые видны дворцы с цветами, птицами в клетках и висящими у входов красивыми надписями, – все здесь

новое, самобытное, невиданное» [19, с. 55]. Такое описание личной встречи особенно интересно с точки зрения развития территориального мифа.

Вид на русскую границу и город Маймачин [6, с. 24]

Среди фотографий, сделанных официальным фотографом экспедиции А.Н.Э. Боярским, есть редкая фотография русско-китайской границы (рис. 1). Современный зритель не может получить того впечатления новизны, которое описал путешественник: впечатляющий китайский колорит появляется лишь на более поздних кадрах, сделанных по мере продвижения вглубь страны. Второй тип восприятия сформировался в произведениях российских путешественников. В этом случае «под понятием "образ Китая" выступает созданный в России обобщенный портрет народов, проживающих в северо-западной, северной частях Китая и на его восточном побережье, то есть тех территориях, которые в большей степени посещались россиянами. Созданный портрет долгое время был схематизированным и эмоционально окрашенным, но, несмотря на упрощенность, а может быть, и вследствие ее, – чрезвычайно устойчивым» [2, с. 35]. В трудах путешественников представлен в основном

образ северных народов Китая, то есть люди, с которыми они непосредственно контактировали.

Необходимо подчеркнуть субъективность впечатлений автора путевых заметок. На художественном уровне в книге П.Я. Пясецкого заметно влияние сентиментализма: характерная авторская оговорка о субъективности впечатлений, значительное место в повествовании занимают интимные переживания и особенности индивидуального эмоционального восприятия [10, с. 75-84]. Подобный стиль в русской литературе путешествий был более распространен на рубеже XVIII и XIX вв. (П.И. Шаликов, П.И. Сумароков) и реже встречается во второй половине XIX столетия. В текстах автор выступает в качестве гида для читателя, который постоянно присутствует на страницах текста, с которым автор ведёт непрерывный интимный диалог на протяжении всего путешествия. Как пишет об этом сам Пясецкий, «перенесите ваши мысли, читатель, к отдаленной Кяхте и монгольскому кочевью Гилан-Нор и, если у вас хватит терпения, не разлучайтесь со мною до возвращения на русскую границу в другом месте, далеко отсюда» [19, с. 60]. Стоит отметить, что более профессиональные книги П.Я. Пясецкого «Как живут и лечатся китайцы» [16] и «О санитарных условиях и медицине Китая» [18], написанные по материалам того же путешествия, по стилю ближе к произведениям своего времени. Вместе с тем именно эмоциональный пафос путевых заметок позволяет увидеть личностное восприятие территориального мифа, именно поэтому книга П.Я. Пясецкого составляет основу исследования.

П.Я. Пясецкий особенно внимательно остановился на этапе пересечения государственной границы, что для трактатов путешественников-исследователей нехарактерно, но часто встречается в произведениях путешественников-туристов. Это тем более удивительно, учитывая, что «путь, пройденный экспедицией, начатый сначала по местам более или менее известным из русских и европейских описаний, оканчивался длинной полосой, в которую ещё не ступала нога европейца, или если часть этого пространства была некогда пройдена и вкратце описана миссионером де-Гойе, то это было весьма

давно, да и описание это было и для тамошнего времени неудовлетворительно» [3, с. 1]. Неизведанные места и сложная политическая обстановка существенно осложнили путешествие.

Публикация материалов экспедиции сопровождалась полемикой в прессе, в частности – спорами о том, кто присвоил себе славу, чей вклад больше и разговорами о том, что экспедиция не удалась, а казённые средства растрочены. Как пишет П.Я. Пясецкий, «экспедиция же в Китай – событие вообще не маловажное, не безынтересное и редкое; потому же какие, какие местности азиатского материка, в пределах Китая, мы посетили, эта экспедиция была первою и не только первою русскою, но и вообще европейскою» [17, с. 9]. Однако незадолго до этого в тех местах погибла английская экспедиция. Как сообщал руководитель русской экспедиции Ю.А. Сосновский, «злополучный Маргэри имел и ху-чжоу, и рекомендации, а тем не менее голова его очутилась на городской башне. Восемь человек идут из дальних краев, тратят деньги без всякой цели, путешествия только ради! Да разве возможно уверить в этом китаецца? [...] Я решил поэтому заявить прямо, что экспедиция командирована правительством для исследований в видах торговых начинаний» [22, с. 5]. Поскольку руководитель экспедиции отвечает не только за себя, но и за всю экспедицию, то обвинения П.Я. Пясецкого, подробно изложенные в брошюре «Суд над полковником Сосновским» [20] и повторяющиеся практически в каждой его работе, посвященной этой экспедиции, не выдерживают критики. Да и сам Пясецкий в своей книге о путешествии высказывает мысль об опасности маршрута: «нам будто бы сказано: достаточно будет и того, если вы вернетесь живыми, чтоб экспедиция не считалась напрасной» [19, с. 500]. Значение экспедиции осознавали и современники, которые сочли, что труд Пясецкого достоин награды большой золотой медалью Императорского русского географического общества.

Результаты экспедиции в печати были признаны успешными: пройденный путь «короче всех других, ведущих из европейской России во внутренний Китай: путь тележный на всем протяжении, за исключением 250

верст вьючного расстояния; никаких естественных преград и препятствий: дорога ровная, твердая, повсюду вода, подножный корм и топливо; он идет по населенным местностям и только 8 переходов по Гоби, где нет оседлого населения; в прочих же местах есть все способы передвижения, и мул, и телега, и верблюды; наконец, этот путь ведет в местности, где наши фабрично-заводские изделия могут иметь обеспеченный сбыт, не опасаясь иноземного соперничества» [13, с. 386]. Новый, более короткий и безопасный путь в Китай имел огромную ценность, хотя его развитие неизбежно сократило бы кяхтинскую торговлю.

П.Я. Пясецкий в своей книге сосредоточен в первую очередь на запечатлении эмоциональной достоверности путешествия. При пересечении границы для выражения личного впечатления использованы этнографические наблюдения: «Разнородные мысли и чувства наполняют душу человека, когда он отправляется надолго в чужую страну. Тогда каждый человек, каждый предмет с родины получает особенный, как будто новый вид и значение, каких они прежде не имели. Что особенного, например, в обыкновенных почтовых повозках, на которые в последний раз уложили наш багаж, чтоб отвезти его уже не на русскую землю и передать нерусским ямщикам; а я долго и задумчиво смотрел им вслед, когда они уезжали вперед, вдаль к тем синим горам, за которыми лежали неизвестные нам чужие земли. Долго и чутко прислушивался я к знакомым звукам русских колокольчиков, к крикам и свисту ямщиков, на которых я тоже смотрел теперь не так, как всегда. Прежде он был просто ямщик, теперь он был русский ямщик, с русской посадкой и ухваткой, на нем была шляпа с русским гербом, он по-русски кричал и посвистывал на лошадей, а я сам как будто стал иностранцем, и смотрел на него, и как будто изучал его особенности» [19, с. 59]. Если, пребывая дома, путешественник видит привычные образы, то с той стороны границы он уже смотрит взглядом этнографа.

Аналогичный восторг возникает у автора при возвращении в родные края: «Вот вдали показался аул – и близ него огромное стадо баранов.

Подъезжаем, и из двора одного домика к нам навстречу выходят один за другим новые люди в новых костюмах – ситцевых ватных халатах и ситцевых, опушенных мехом, конических шапках (малахай). Это киргизы, наши земляки, они подходят к каждому из нас по очереди и с каждым здороваются за руку, хотя и молча, потому что по-русски не говорят... Россия!.. Россия!.. Родина!.. Хотя и не говорящие по-русски люди, но и они родные и принимают нас, как родных людей» [19, с. 782]. Всё ещё чуждые реалии становятся родными исключительно благодаря государственной общности. Размышляя об этом, Пясецкий пишет: «Надо из Азии въехать в Россию, чтоб так радоваться всем и всему и с такую детской чистотой души наслаждаться тем, чего дома не ценишь или не замечаешь» [19, с. 785]. Можно было бы предположить, что такое внимание обусловлено определённой чуждостью китайской культуры для русских путешественников того времени, но возвращение в Россию происходит в местах не менее чуждых по культурному и языковому признакам. Также возможно, что свою роль сыграло польское происхождение П.Я. Пясецкого, во всяком случае, в одной из брошюр по полемике об экспедиции Сосновского он обстоятельно опровергает национальный аргумент [см.: 17].

Граница – пространство периферийное, удалённое от центра, но при этом, в отличие от замкнутой и самодостаточной провинции, является зоной более или менее пристального внимания центра, поэтому в структуре территориального мифа пограничные регионы являются более насыщенными [см.: 8]. Чаще всего это романтический миф, связанный с героическим освоением территорий, утверждающий право на обладание пространством. Однако, поскольку путешественник пребывает вне идеологического контекста и непосредственно контактирует с описываемой им территорией, то его текст менее подвержен идеологическим влияниям: встречи с людьми, населяющими эти земли, непосредственное взаимодействие с ними и возможность личных наблюдений чаще всего препятствуют стереотипному мышлению. Другой причиной такого внимания могло быть желание лично осмыслить факт

пограничного размежевания, которое произошло в этих местах сравнительно недавно.

Путешественники создают представление о пространстве, их роль в формировании устойчивого образа страны огромна. Как отмечает Ю.Г. Благодер, «путешественники выступают не просто первооткрывателями земель. Они характеризуют и оценивают экономическую и политическую ситуацию в сопредельном государстве» [1, с. 25]. Этот тезис действует в обе стороны: рассказ о дальних странах формирует впечатление о другом народе в собственной стране, в то время как впечатление от визитёров создаёт образ их родины, а представления китайцев о России в тот период были крайне скудными. Как пишет Ю.А. Сосновский, «все сведения о России, какие сообщал своим соотечественникам китаец-писатель и путешественник, заключались в том, что в России отличные барабаны» [22, с. 44]. Т.е. участники экспедиции Сосновского создавали в процессе своего путешествия и образ России в Китае, в первую очередь – в северной части страны, которая прежде не посещалась отечественными путешественниками.

Огромную пропасть в образе жизни ярко характеризует бытовая сценка из дневника П.Я. Пясецкого, в которой он подарил пустую бутылку гостеприимному монголу: «Бутылка обошла всех посторонних посетителей, собравшихся в нашей юрте. Каждый осмотрел ее в подробности, со всех сторон, и двумя глазами, и одним глазом, и каждый расхваливал и материал, и выдумку, и работу... "И это происходит в каких-нибудь двух сотнях верст от нашего пограничного города, где жизнь идет более или менее на европейский лад!" – подумалось мне» [19, с. 776]. Наблюдение очень характерно для европейского образа мыслей того времени, сформированного на основе философских воззрений просветителей. И, возможно, именно сумма бытовых трудностей стала причиной такого восторженного впечатления от возвращения: «Поднялись на следующие песчаные холмы и потянулись по нагорной равнине, однообразной и скучной. Но вот, пройдя верст десять, мы увидели на далеком горизонте зубчатые вершины горного хребта, на котором можно было

различить снеговые пятна... русские горы!.. Других тут быть не может... Россия! И сердце ожило, как будто теперь только начало биться и наполнилось чувством неизъяснимой радости» [19, с. 771]. Сентиментальная манера автора усиливает впечатление от границы, эмоционально разделяя «там» и «здесь».

Отдельный интерес представляла также языковая специфика региона. Поскольку именно там, на пограничье, происходили основные межкультурные контакты, то это находило своё выражение и в языке. П.Я. Пясецкий так описал особенности коммуникативного взаимодействия на пограничье: «Началась беседа на русском языке, который здешние китайцы знают почти все, но тот язык до такой и степени не похож на наш, что ему справедливо дали особое название "кяхтинского языка"» [19, с. 52]. Ю.А. Сосновский в своём рассказе об экспедиции приводит лингвистическое рассуждение китайского мудреца: «Один ученый классик, с которым нам случилось беседовать, пресерьёзно уверял, что русский язык выработал более грубые звуки, нежели китайский, потому что китайцы мало употребляют животной пищи, а больше мучную, тогда как русские наоборот» [22, с. 44]. Так что философское осмысление пограничных диалектов и культурных различий является ещё одной доброй традицией, характерной и для современных регионов.

История кяхтинско-китайского торгового диалекта особенно интересна. Требование владеть русским языком в объёмах, необходимых для ведения торговли, было выдвинуто китайской стороной, китайцы же обеспечивали преподавание русского языка, пригодного «исключительно для ведения торговых мероприятий в объеме приграничной торговли, которая была однотипной и простой» [11, с. 37]. Это требование было введено для защиты своих торговых и политических секретов. Требование владеть русским языком распространялось на всех китайских служащих, что способствовало развитию диалекта и его укреплению в регионе. Это необычно, поскольку традиционно пограничье, как зона языковых и культурных контактов, используется для распространения собственной культуры вовне, за пределы государственных границ.

Вместе с тем неподготовленный русский путешественник не мог сразу вступить в диалог с китайцем, владеющим кяхтинским вариантом русского языка. П.Я. Пясецкий приводит небольшой лексикон «кяхтинского языка» и описывает забавный случай коммуникации: китаец «повторял одно слово "инотэнки", и, начиная досадовать, наконец, закончил такими словами: "Ты сываю сылофа нисынаша, наша сылофа нисынаша, как сы тапой кавали мошана! Сы тапой кавали нилися" – и ушел. Это я понял. "Ты, значит, своего языка не знаешь, нашего не знаешь, как же с тобой говорить можно? С тобой говорить нельзя". Предыдущее же недоразумение объяснилось тем, что он искал нашего переводчика, которого зовут Иннокентий. Хотя это и близко к "инотэнки", тем не менее, трудно было догадаться, особенно когда он произносил только одно это слово» [19, с. 53]. И все же в своих путевых заметках Пясецкий воспринимает это как часть отечественной культуры, как явление России.

Территориальный миф и модель взаимодействия на русско-китайском пограничье были сформированы позднее, на основе насыщенного межкультурного диалога, ставшего возможным благодаря КВЖД, когда в тех местах был создан значимый культурный центр. До начала XX в. русско-китайское пограничье было центром торговли, этот факт был основой территориального мифа. Ситуация начала меняться с середины XIX в., благодаря открытиям русских путешественников, а также в контексте политического противостояния России и Англии. В тот период в сознании читающей публики существовали два образа Китая и два подхода к описанию – книжно-романтический и реально-этнографический. Первый был характерен для философских трактатов, второй – для исследователей и путешественников, а также военных и дипломатов, посещавших эти места в силу служебной надобности или для удовлетворения собственного любопытства.

Экспедиция 1874-1875 гг. была частью основного потока российских исследований в Азии, эти путешествия имели большое политическое и экономическое значение. Эмоциональное восприятие пройденного пути,

зафиксированное в дневнике П.Я. Пясецкого, позволяет современному читателю представить себе восприятие мира, характерное для человека того времени, а также, поскольку автор уделяет этой теме заметное внимание, увидеть личное восприятие образа пограничья и государственной границы, а также воплощение территориального мифа. Что интересно, это восприятие, основанное на государственном территориальном мифе, с достаточно острым ощущением своего и чужого, хотя культурные различия на пограничье не особенно заметны, а продвижение к привычному для путешественника быту и, соответственно, образу реальности происходит постепенно.

Экспедиция в Китай была частью национальной эпохи открытий, исследований отечественными путешественниками Азии. Маршрут, призванный упрочить торговые связи России и Китая, имел также огромное значение для развития культурных и политических связей. Путевые заметки П.Я. Пясецкого – это заметки путешественника-туриста, который в целом привык к гораздо более безопасным странствиям и не был эмоционально подготовлен к путешествию по неизведанным просторам. Такой текст мог появиться как предвестник доступности Азии для российских путешественников, как явление будущего Харбина как русско-китайского культурного центра.

Список литературы:

1. Благодер Ю.Г. Роль российских путешественников XIX в. в развитии отечественного китаеведения // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4 (60). С. 22-28.

2. Благодер Ю.Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX – начало XX века). Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2017. 340 с.

3. Васильев В.П. Отзыв действительного члена В.П. Васильева о труде действительного члена П.Я. Пясецкого: «Путешествие в Китай». СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1880. 8 с.

4. Врядий С.Ю. Роль КВЖД в освоении Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. №. 38. С. 134-142.

5. Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / Соч. Эрнеста фон Гессе-Вартег. СПб.: Из-во А.Ф. Девриена, 1900. 402 с.

6. Длужневская Г. В. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874-1875 гг. в фотодокументах Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: Материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 25-26 ноября 2008 г. / Под ред. С.В. Смирнова. Екатеринбург: Из-во Уральского университета, 2009. С. 20-28.

7. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля: (40-60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 163 с.

8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

9. Кротова М.В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 2. С. 749-785.

10. Ламм М.А. Интертекстуальные связи в русской литературе путешествий XIX века // Литература в школе. 2023. № 1. С. 75-84.

11. Лапин П.А. Российско-китайская торговля в Кяхте и кяхтинско-китайское наречие русского языка (первая половина XVIII – вторая половина XIX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 1. С. 25-41.

12. Носков И.А. Кяхта: О кяхтинской торговле чаем. Иркутск: Иркутская публичная библиотека, 1861. 30 с.

13. Подполковник Ю.А. Сосновский, открыватель нового торгового пути в Китай (окончание) // Всемирная иллюстрация. 1876. Т. 15. № 385. С. 386-387.

14. Пикалов Ю.В. Влияние строительства китайской Восточной железной дороги на развитие отношений России и Китая в конце XIX – первой четверти

XX вв.// Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2019. № 3 (36). С. 128-131.

15. Плотников А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М.: КомКнига, 2007. 240 с.

16. Пясецкий П.Я. Как живут и лечатся китайцы. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1882. 89 с.

17. Пясецкий П.Я. Неудачная экспедиция в Китай 1874-1875 гг. в ответ на защиту г. Сосновского по поводу книги «Путешествие по Китаю». СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. 298 с.

18. Пясецкий П.Я. О санитарных условиях и медицине Китая. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1876. 68 с.

19 Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. М.: Паулсен, 2019. 824 с.

20. Пясецкий П.Я. Суд над полковником Сосновским. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 82 с.

21. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1947. 201 с.

22. Сосновский Ю.А. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874-1875 годах. СПб.: Военный сборник, 1876. 121 с.

23. Чапыгин И.В. Русские на территории Маньчжурии и в полосе КВЖД (XVII – начало XX в.)// Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 51-60.

Сведения об авторе:

Ламм Мария Андреевна – независимый исследователь (Москва, Россия).

Data about the author:

Lamm Maria Andreevna – Independent Researcher (Moscow, Russia).

E-mail: Lamm.maria@yandex.ru.